

Иван Петров

НАРГИ

[социальная
утопия]

Иван Петров

Нарги

«Издательские решения»

Петров И.

Нарги / И. Петров — «Издательские решения»,

Когда секс между народами становится эффективным инструментом построения толерантного мира, то возникает вопрос: кому нужен мир без любви? Книга повествует о непростом времени, которое приходит в жизнь каждого, задевает его и бежит дальше, а человек становится другим.

© Петров И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нарги
[социальная утопия]
Иван Петров

© Иван Петров, 2014

© Неизвестный Художник, иллюстрации, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Тяжелый воздух летнего вечера ворвался в кабинет через распахнутое окно и лопастями вентилятора разнесся по липким лбам присутствующих на заседании. Совещание, которое длилось уже третий час, требовало принятия простых, ясных как для понимания, так и исполнения решений. Но утомленные духотой и ответственностью чиновники скорее были готовы впасть в бессрочную летаргию, чем вернуться в реальность.

– Господа, мы не разойдемся, пока не примем резолюцию по этому вопросу, – чуть надорванным, но спокойным голосом произнес грузный председательствующий, не стареющий, но уже лысеющий человек, с мягкими, обтекающими линиями лица и мокрыми подмышками на дорогой белой сорочке. Пиджак и галстук небрежно свисали со спинки стула, как будто и не принадлежали их обладателю, а были давно и навсегда забыты кем-то успешным и в попытках покинувшим немилые сердцу места в поисках земли лучшей и более обетованной. Нервозность директора Федерального агентства по ассимиляции народов выдавала лишь мелкая дрожь пухлых пальцев, которые скользили по блестящей поверхности телефонного аккумулятора. В агентстве было принято на совещаниях не только отключать мобильные устройства, но и выкладывать на стол аккумуляторы, что сразу настраивало на серьезный разговор о главном.

– Поймите, уже конец лета, а мы не освоили и двадцатой части госбюджета.

Пальцы перестали поглаживать влажный металл и потянулись ко второй пуговице на сорочке.

– Государство выделяет нам громадные деньги не на создание новых рабочих мест для лиц из ближнего зарубежья, в этом вы и так преуспели и уже раздаете метлы вместе с российским гражданством.

Проблеск понимания обозначился в глазах собравшихся. За деньги всегда приходится отвечать и, как правило, насиженными местами, теплыми креслами, комфортной жизнью и спокойной старостью. Это закономерно и парадоксально одновременно. Парадокс состоит в том, что люди в большинстве своем не имеют отношения к потреблению огромного государственного бюджета, но сам процесс его освоения ложится нелегким бременем на хрупкие плечи чиновников, лишая их приятных снов о светлом и спокойном будущем, своем и своих детей. Так было и сейчас. Никто не хотел быть стрелочником, и каждый понимал, что у него не меньше шансов, чем у любого другого собрата по цеху, им стать. Директор, конечно, не в счет. Это другая каста. Не каста стрелочников. Директор рожден директором и останется им навсегда. И если уж его и сместят с одного проекта, то переставят на другой, а другого директора – на этот или на какой-либо еще. И это правильно. Каждый должен служить делу и сидеть в своих санях. Голос начальника вновь учинил препятствие неспешному течению мыслей собравшихся.

– Коллеги, смелее! Пора делать предложения. Не заставляйте меня играть в школу и вызывать к доске каждого.

– Позвольте мне, Сергей Васильевич! У меня есть предложение.

Этот голос принадлежал молодой сотруднице. Она пришла в агентство в прошлом году сразу после получения второго высшего образования, но не по конкурсу – минуя службу директора по кадрам. Занималась в основном написанием текстов к докладам шефа. Была замкнутой и исполнительный и говорила всегда вполголоса, что требовало даже некоторого напряжения, чтобы не только услышать собеседницу, но и разобрать услышанное, а не домысливать самому сказанное, окутывая слова в уютное одеяло собственной логики о правилах жизни.

Голос звучал непривычно, громче обычного, что повышало вес произносимых слов, а уверенная интонация оратора наделяла их безальтернативностью восприятия дремлющих слушателей.

– Я не буду говорить о праве наций на самоопределение, для этого существует своя земля, свои кишлаки и села. Глубоко убеждена, что ассимиляция подразумевает не столько культурную, сколько биологическую интеграцию. Недостаточно детишкам для воспитания толерантности ходить в один детский садик, они будут также ненавидеть друг друга, но просто еще не по-взрослому, но зато с пеленок. Однако вполне достаточно иметь общих родителей.

– Наталья Петровна, вы о чем? Поясните, пожалуйста!

Серьезным голосом и с иронией во взгляде спросил директор, но этот взгляд был замечен лишь Наталье. Она хорошо знала все взгляды Сергея и за год близких отношений прекрасно научилась не только понимать своего любовника, но и убеждать его им же сказанными словами, что создавало обманчивое впечатление, будто девушка лишь озвучивает чужие мысли, но сами они являются плодом мужского разума. Никто из коллег не знал об их связи. Эта связь нужна была только им, а знания о ней были бы лишними и неудобными для всех. Примерного семьянина и молодую сотрудницу могли соединять только рабочие отношения, и никакого другого будущего, кроме производственного, у них быть не должно и по определению никогда не будет. Наталья неспешным взглядом прошла по лицам коллег. На мгновение остановилась на синих, как критское небо, глазах Виктора и уловила в них едва заметную усмешку с оттенком злорадства и хорошо прикрытой ненависти. Он был года на три старше ее. Блондин из провинции, строго соблюдающий правила игры в карьере. Ослепительная белизна его волос плавно переходила в овал бледного лица, на котором никто никогда не видел и следа загара. Четкая артикуляция, бедная мимика, взгляд, всегда застывающий на уровне лба собеседника, и, конечно, стильная деловая одежда с дорогим галстуком даже в пятницу и тонкий, едва уловимый парфюм. Наталья сразу понравилась Виктору и своей молодостью, и, как ему показалось, нецелованностью, да и, пожалуй, столичным происхождением. Он считал ее легкой добычей то ли из-за своей завышенной самооценки, то ли из-за недооценки объекта желания. Но время шло, а близости не возникало, и на все двусмысленные или, напротив, недвусмысленные предложения Виктора неизменно следовал вежливый отказ или не менее вежливый непонимающий взгляд девушки. Никакой эмоциональной реакции за год общения добиться не удалось, а значит, и думать о перспективе личных отношений было просто наивно. Поскольку Виктор не относил себя к числу наивных, он сделал единственно правильный вывод, что девушка просто не та, кем преподносит себя, и в своей женской близорукости не замечает единственно прекрасное, что может превратить однообразие ее жизни в праздник. Вот и теперь, услышав начало речи Натальи, Виктор не без радости заподозрил, что девушка просто не в себе и оттого не реагирует на умного, успешного и, вне всякого сомнения, сексапильного молодого человека.

– Поясняю, коллеги, в нерусских семьях должны появиться русские дети. Многонациональная семья и есть ячейка многонационального государства. Ассимиляционные процессы в социуме имеют генетическое начало.

– Наталья Петровна, вы о чем? – прервал рассудительную речь шеф. – Вы предлагаете таджикским, киргизским и прочим семьям усыновлять русских детишек? Знаете что, государство выдало нам мандат доверия и громадную финансовую поддержку не для того, чтобы мы разбазаривали наше национальное достояние, наших детей, по неизвестным этническим группам. В государстве уже есть институты, которые специализируются на воспитании и заботе, и не стоит передавать часть их полномочий, пусть даже из самых гуманных соображений, различным нерусским семьям.

Щеки директора приобрели багровый оттенок, а голос обильно окрасился назидательным тоном.

«Надо же, – подумала про себя Наталья, – от назидания до занудства всего пару шагов, и пиши пропало – старость в расцвете, а ведь ему нет еще и сорока. И еще этот багрянец... Раньше он появлялся у Сергея только при затяжной физической нагрузке в постели и никогда при общении с коллегами».

– Абсолютно с вами согласна! – воскликнула девушка. И весело добавила: – Я вообще на стороне государства во всей этой истории.

Никто раньше не слышал подобных интонаций от замкнутой сотрудницы, что окончательно взбодрило совещающихся и обострило внимание к ее речи.

– Согласна. Можно довести до абсурда любую идею. Если отдать наших сирот в нерусские семьи, то для этих семей усыновление превратится просто в семейный бизнес. Эти народы вообще склонны к семейному бизнесу в клановом социуме. Возможность активного усыновления даст им огромные преференции в обществе. Все будут понимать, что эти тихие и обидчивые по своей природе, если не сказать точнее – злопамятные люди, смогут мстить нашим детям в своих домах за собственные неудачи в нашем обществе, но месть эта будет покрыта непроницаемой паранджой института тайны, который культивируется в семьях Азии и Кавказа. Наши дети, по сути, станут заложниками, и люди наши по своей генетической доброте будут бояться причинить им вред, ненароком обидев ассимилирующуюся этническую субсоциальную единицу. Государство, с присущей ему высокой ответственностью за детей, создаст не нужные обществу высокооплачиваемые места для низкоквалифицированных работников из числа недавно получивших российское гражданство. В итоге мы получим рост напряжения в обществе, который реализуется не без участия правых радикальных сил в народные возмущения, погромы и акты неповиновения властям. Прольется кровь, но не как сейчас, как при скудных месячных, а откроется настоящее артериальное кровотечение, как при глубокой ножевой ране.

Лица коллег вытянулись, и их вопрошающие взгляды устремились в сторону шефа: было непонятно, как реагировать, и нужно ли вступать в дискуссию прямо сейчас или необходимо дать возможность выступавшей закончить мысль.

Директор грузно откинулся на спинку стула, глубоко вдохнул, как перед глубоким погружением, скрестил руки на груди, остановился немигающим взглядом на Натальиных глазах и мягко, по-отечески произнес:

– Продолжайте.

Лицо девушки приняло привычный серьезный вид, а голос соответствующий обсуждению тон.

– Так вот, говоря о генетической ассимиляции, я имела в виду, что первый ребенок в нерусской семье должен быть от русского мужчины. У женщин любовь к родным детям носит природный характер и неподвластна политическим мотивам, только через своих русских детей они смогут полюбить русских людей, а не принимать наше общество только как объект потребления для построения своего благополучия. Это одна сторона медали. С другой стороны, овладев их женщинами, русские мужчины не только получают своего рода трофей, культурную контрибуцию, если угодно, но вместе с тем примут ответственность за благополучие своих детей, рожденных женами нерусских мужчин. Коллеги, любые войны заканчиваются миром, и атрибутом любого мира является овладение женщинами побежденных. Примеров тысячи – история нашей планеты богата кровавыми конфликтами. Скажу больше, многие войны даже были предупреждены браками лидеров противоборствующих сторон. А если вспомнить старика Фрейда, то он в своей работе «Тотем и табу» ясно показал, что запрет инцеста возникает как инструмент ассимиляции тотемов в племена для повышения выживания последних в экстремальных природных условиях. На коллективной выживаемости и формировался архаичный социум. Наше современное общество при всей его цивилизованности имеет все равно глубоко

архаичные корни. И надо понимать и принимать тот факт, что обществом современным, как и архаичным, правят биологические законы. И если мы будем прописывать тупые миграционные правила, не основанные на законах биологии, то потерпим поражение.

– Допустим, вы правы, – почувствовав тему, Виктор приподнялся. – Но мы не на войне, а насилие женщин относится к числу военных преступлений. Вы, надеюсь, не призываете нас к преступной ассимиляции народов?

– Конечно, нет. Секс дело добровольное. Такое же добровольное, как и обретение новой родины. Просто обретение это надо регламентировать правилами, основанными на биологии человека и других высших животных.

– Прошу пояснений по регламенту ассимиляции, – не отставал блондин.

– Необходимо регламентировать условия входа в проект ассимиляции. И главными должны быть замужество нерожавших молодых женщин, отсутствие хронических заболеваний и заболеваний, передающихся половым путем, наличие востребованной профессии мужей.

– То есть, – продолжил Виктор, – государство выделяет квоты на нашем рынке труда для лиц из ближнего зарубежья и объявляет на них конкурс?

– Да, и прошедшие по ремесленному конкурсу, извините, точнее по профессиональному, автоматически вступают в процесс ассимиляции.

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – чуть слышно произнес Сергей Васильевич и опустил взгляд на мертвый телефон.

– Ну, во-первых, карантинные мероприятия. Государство должно быть уверено, что женщина не беременна, и изолирует ее от мужа для надежности не менее чем на два менструальных цикла. За это время можно не только провести всестороннее медицинское обследование, но и необходимые лечебные интервенции для стабилизации репродуктивного здоровья будущей матери гражданина России. В середине следующего цикла на семь—десять дней женщина входит в стадию добровольного зачатия. Далее наступает стадия желательной беременности, с ежедневным в течение первого триместра врачебным контролем. По окончании первого этапа, назовем его интеграционным, женщина возвращается в семью, к мужу. Молодые родители должны вместе ждать первенца, а вынужденная разлука в полгода лишь укрепит их чувства.

– Допустим, но чем эти полгода будет заниматься муж интегрируемой женщины? – опять привстал Виктор.

– Будет работать по годовому трудовому контракту с возможностью его досрочного расторжения работодателем. Государство должно подстраховаться, если женщина не сможет забеременеть даже при регулярном оплодотворении на протяжении двух-трех месяцев. Кроме того, даже в случае успешной беременности, возможны серьезные аномалии плода, и в этом случае необходимо прервать беременность по медицинским показаниям на любом сроке, а семью лишить права повторной интеграции и выслать на родину. Получение гражданства без рождения ребенка невозможно.

– Хорошо, допустим, забеременела, вернулась к мужу и родила. И что дальше? – не отрывая глаз от аккумулятора, спросил директор.

– Дальше все, как в кино. Гражданство, трудовой контракт на пять лет сразу, ипотека под два-три процента годовых и каникулы по выплатам процентов в первые два года.

– И они тут же начнут рожать еще и еще, требовать пособий и увеличения размеров жилплощади! – не без иронии вставил Виктор. – Да еще и родню к себе поделят, без гражданства, конечно, но с временной регистрацией. Все по закону, между прочим.

– Ничего подобного, – отрубил Наталья. – Договор интеграции исключит рождение второго ребенка до погашения ипотеки и будет предписывать прерывание беременности на любом сроке, но уже по социальным показаниям. Кстати, подобная правоприменительная практика уже существует и некоторые организации при приеме женщин на работу вводят в трудо-

вой договор пункт, запрещающей рождение ребенка в первые пять лет трудовых отношений. Что же касается гостей, то у нас ведь будут все их данные из регистрационного реестра. Несложно увеличить коммунальные платежи на время их пребывания с коэффициентом три. С нашими растущими каждые полгода тарифами особенно не погостишь. В любом случае гостям они будут не рады. Мифы об этническом гостеприимстве быстро развеются нашими экономическими инструментами.

– А вы решительно настроены, Наталья Петровна.

Директор встал из-за стола и, опершись обеими руками в прохладный мрамор подоконника, повернулся спиной к коллегам. Уже смеркалось. Закат багровел, и через распахнутое окно чувствовалось дыхание приближавшегося дождя.

– Так решительно, что готовы нарушать права человека, право на материнство и на свободу выбора родины. Вы понимаете, что возвращение на родину после неуспешной половой интеграции женщины вместе с супругом есть по своей сути депортация части народа. Грузин – в Грузию, таджиков – в Таджикистан и прочих по своим домам перегруженными транспортными самолетами. Мы это уже недавно проходили, и реакция мирового сообщества была вполне адекватной происходящему. Это ведь преступление, и преступление, совершаемое по благословию и при финансовой поддержке государства! Или взять, к примеру, тех, кто уже здесь живет с семьями, с детьми и родственниками. Их что, тоже утрамбовывать в ИЛ-76, как в газовую камеру, и прочь из нашей жизни?!

Наталья почувствовала, как все рушится, как холодок бежит по ее спине и щеки наливаются густым румянцем, словно отражение уходящего за крыши домов солнца. Впервые она почувствовала, какой бездонной может быть пропасть между личными отношениями и профессиональным долгом. Да, Сергей был профессионалом, профессионалом с большой буквы и, как она теперь поняла, никогда не смешивал в одном коктейле сексуальную жизнь и работу. Он был достоин уважения.

– Сергей Васильевич, разрешите и мне высказать свое отношение к выступлению нашей коллеги? – обратился Виктор к шефу.

– Да что уж там, Виктор Степанович, ваяйте, ваяйте! – И директор водрузился на свое место.

Наталья, не поднимая глаз на Виктора, презрительно подумала: «Этот карьерист начнет меня теперь топить». Они стояли вдвоем почти напротив друг друга. Виктор привычно упер свой взгляд в лоб оппонента и начал, как всем показалось, свою сокрушительную речь.

– Уважаемые коллеги, уважаемый Сергей Васильевич! Как юрист, я не могу квалифицировать предложение сотрудницы нашего ведомства как призыв к геноциду. Если бы ассимилируемые семьи были беженцами с правом умереть у себя на родине или жить в России, то условия получения гражданства во имя сохранения жизни, которые нам озвучила Наталья Петровна, могли бы трактоваться как преступление против личности и стали бы предметом рассмотрения в Страсбургском суде по правам человека. Но эти люди не беженцы. Значит, и преступления нет. И мотивы вовсе не преступные, а направлены на стабилизацию общества в контексте органичной ассимиляции этнического меньшинства в социум русского народа. Другое дело, подобные решения за три часа сгоряча не принимаются. И я абсолютно согласен с Сергеем Васильевичем, что мы не можем высылать на родину молодые семьи после неудачной половой интеграции. Мы не позволим нарушать права человека, и право на интеграцию в цивилизованное общество тем более! Если женщина приняла решение родить здорового малыша от русского мужчины, то мы всеми силами обязаны помочь обрести ей радость материнства. Если не может забеременеть – лечите ее бесплодие, или у нас проблемы с высокими специалистами в репродуктивной медицине? Сделала аборт по медицинским показаниям – опять не вижу повода вычеркивать ее из нашей социальной среды: через каких-то два-три месяца организм будет вновь готов к зачатию. По вопросу семей, которые уже осели

здесь. Считаю, надо использовать исключительно экономические методы влияния, а не политические. Поняв, какие огромные преимущества получают их собратья, решившие пройти половую интеграцию, они и своих жен передадут в карантин государству. Родить от русского мужчины никогда не поздно. Опять же, сразу пятилетний трудовой контракт... Даже русским людям после года успешной работы не всегда продлевают контракт, и они могут остаться без работы наравне с приезжими. И еще один вопрос, который, по-видимому, просто не успела осветить в своей речи Наталья Петровна. Я бы хотел предложить уважаемым присутствующим свой ответ. Это финансовая составляющая проекта. Понятно, что это огромные деньги, но если на одну чашу весов положить средства, которые государство тратит на подавление экстремистского движения, на предупреждение террористической угрозы, на восстановление сооружений и коммуникаций после террористических атак, я уж не оцениваю человеческие жертвы – любая жизнь просто бесценна и не заменима для общества, а на другую чашу весов – затраты по проекту нашего ведомства, которые частично озвучила Наталья Петровна, то первая чаша, конечно, перевесит вторую, ибо траты государства на войну всегда выше, чем на мирное обустройство жизни. Это аксиома. Просто не надо сгоряча принимать непростые для государства решения.

Секунд через двадцать после окончания выступления гробовую тишину разорвал голос директора, четкий и громкий:

– А я вас и не просил, Витя, принимать решения – не задавайтесь! Я говорил только о резолюции по данному вопросу. Задача нашего ведомства предлагать и исполнять, а решения принимают в другом месте и другие люди. Даю вам личное поручение, Виктор Степанович, возьмите стенограмму изложенного Натальей Петровной материала у моего секретаря и без горячки помозгуйте над ним до утра. И чтобы к одиннадцати ноль-ноль резолюция лежала у меня на столе.

– Виктор, Виктор Степанович... – вполголоса сказала, запнувшись, Наталья. – Здесь у меня краткое изложение проекта, – и передала коллеге лист убористого машинописного текста, который венчала надпись четырнадцатым кеглем: «Проект „НАРГИЗА“».

Виктор посмотрел в глаза взволнованной девушки и прочитал на ее губах беззвучное «спасибо».

Шум стульев, шуршание бумаг, защелкивание замочков портфелей и кожаных папочек окончательно разрушили тишину последних часов: люди собирались по домам и привычными движениями, почти не глядя, вставляли аккумуляторы в свои мобильные телефоны, подобно тому как оперативники загоняют обоймы с патронами в табельное оружие перед выходом на боевое задание. На уставших лицах проступила решимость. Решимость, присущая охотникам, которые после многочасового преследования зверя собирают всю волю и силы в кулак, чтобы сделать единственный убойный выстрел.

Наталья буквально запрыгнула за руль своей спортивной «Селики» и вдавила до упора правую педаль. Она любила быструю езду и просто не умела ездить по-другому. Вечер серым коллоидным раствором накрыл город, опустевшие улицы затаились в ожидании грозы.

– Теперь они получают за все! – шептали дрожащие губы, и слезы готовы были вот-вот вырваться наружу, чтобы наконец смыть всю грязь воспоминаний, преследовавших девушку почти каждый вечер на протяжении последних пяти лет.

Это произошло еще на третьем курсе, когда Наташа училась на биофаке. Стоял теплый осенний вечер ранней московской осени, казалось, что знойный июль вернулся в город, чтобы дать горожанам еще шанс почувствовать радость лета в увядающих красках природы и сделать свою жизнь еще краше.

Настроение было прекрасное и почти граничило с восторгом. И дело было не только в том, что сегодня она сдала с первого раза зачет по биохимии и ей утвердили курсовую по раз-

множению низших позвоночных. Сегодня произошло нечто более значительное и волнующее в ее девичьей жизни: Наташа вдруг поняла, что влюблена!

Можно встречаться, целоваться и даже иногда заниматься с парнями сексом – все это входит в повседневность студенческой жизни, так же как коллоквиумы, лекции и лабораторные работы. Но влюбленность – это совсем другое. Подобно тому как весна теплым дыханием пробуждает природу, влюбленность превращает девушку в цветок с насыщенным ароматом женской силы, который примагничивает самого желанного и единственного на свете, а заодно и других, питаясь их вниманием и неосознанно используя для этого легкий безобидный флирт. Влюбленная женщина нравится всем мужчинам, если не сказать более определенно: влюбленная желанна для всех. И исключений не бывает. Но если весна пробуждает природу всего раз в году, то влюбленность пробуждается в женской природе еще реже. И этот долгожданный момент наконец наступил, и, встретившись между парами взглядами, они вдруг увидели свое отражение в глазах друг друга и почувствовали нечто большее, чем влечение. Они почувствовали, что расставаться не надо, и тот путь, что каждый из них прошел до этой встречи, закончен и дальше дороги просто нет, ибо она упирается в непреодолимое препятствие, своего рода бескрайнюю и непознанную пустыню с прекрасным именем Любовь, каждый бархан которой они теперь исследуют вместе, нежно взявшись за руки на всю жизнь. Три часа неспешной беседы почти ни о чем и лишь для того, чтобы подольше побыть вместе и дать своим чувствам насладиться атмосферой друг друга. Он хотел проводить ее домой, и как кстати уже совсем стемнело, и сама темнота вызывала не столько ощущение тревоги, сколько ожидания романтической ночи, в холодном звездном небе которой отражается вполне земная человеческая страсть. Но Наташа находилась на излете своих женских дней и этим глупым обстоятельством боялась омрачить радость первой страсти. Она застенчиво улыбнулась и нежно произнесла:

– Не сегодня.

И божеле нуво ее губ мягким обволакивающим поцелуем окончательно подчинило его разум. И первое расставание теперь в их общей жизни, как ей мечталось, должно было стать единственным и последним.

Дорога от метро до дома пролежала через небольшой сквер, в котором гнездились островками счастья аж три детских площадки. Они весь день были переполнены неспешными малышами, пребывающими в мире своих наивных игр и их скупающими молодыми мамами, для которых мир детских игр уже закончился, но насколько серьезен мир взрослых игр, они еще понять не успели. Наташа спешила по вычерченной ярким светом фонарных столбов аллее. Во-первых, ей безумно хотелось в туалет, а во-вторых, пора уже было в последний раз сменить прокладку.

Низкорослая молодежь мирно потягивала пиво на скамеечке под фонарем и приглушенно разговаривала на своем нерусском наречии. «Понаехали тут» – вспомнила известный агитационный ролик Наташа и чуть не расхохоталась от его глупой ксенофобии. Поравнявшись со скамейкой, она услышала в свой адрес веселый, хотя и вполголоса вопрос:

– Девушка, а девушка, как же вас зовут?

– Наташа, – весело откликнулась она.

– Наташа? Возьми три рубля и будь наша! – загоготали на скамейке.

– Дураки! – беззлобно отозвалась девушка.

Она сразу и не поняла, что произошло, а когда поняла, то отказалась воспринимать происходящее как реальность. Вначале сзади послышался топот небольшого коротконового стада, затем толчок в грудь и холодное мерцание звезд в обездушенной черной пропасти над ней. Дыхание перехватило, и сердце, кажется, на миг остановилось, она сразу вспомнила анатомию и поняла, что удар пришелся в солнечное сплетение. За руки и волосы ее отволокли на детскую площадку и вдавили в холодный песок. Она ощутила на себе жирную маленькую тушу с очень колючей щетиной и гнилым запахом изо рта. Туша начала потеть, пыхтеть и раскачиваться

на девушке, все глубже погружая ее в песок. Воздуха, казалось, уже и не осталось в легких, и кричать было просто нечем. Другие каменной хваткой держали ее запястья, локти, плечи, голени, бедра, шею, волосы. И вонь, сплошная вонь резкого, мерзкого пота душила ее. Наташа вспомнила, что где-то уже слышала этот запах, прикрыла глаза, и на нее нахлынули воспоминания из детства: она едет с родителями и их друзьями в душном плацкартном вагоне поездом Москва—Симферополь. Места достались у самого туалета, и вонь естественной человеческой мерзости преследует их всю дорогу.

– Доченька, ты поспи, а проснешься – уже и в Крым приедем.

– Ма, у меня животик болит.

– А ты ложись на него и попукай, это тебя баба Аня горошком с огорода перекормила.

– Мам, пукать только в туалете можно, но там на живот не лечь никак!

– Глупенькая моя, в этот туалет можно сходить только по самой крайней нужде, а попукать можно и здесь – никто и не заметит даже!

Наташа легла на живот и задремала, а мама прислонила свои губы к ее детскому ушку и стала с нежной иронией напевать:

Поезд едет: тук-тук-тук,

А Наташенька: пук-пук.

Ритмично раскачивая ее детское тельце перестуком колес поезд нес Наташу в Крым, в это райское место, где заканчивается душная вонь и начинается ласковое солнце, свежий ветер и теплое море.

Девушку уже не держали, просто одно липкое тело уступало место другому, и поезд снова продолжал движение, ритмично раскачивая ее тело. Но зато каждая станция приближала ее к Симферополю, и каждая остановка в тряске давала возможность выйти на перрон и наполнить легкие чистым воздухом, который, чем ближе поезд приближался к югу, становился все тяжелее и горячее. Тула, Мичуринск, Воронеж, Ростов на Дону, Каховка. И на каждой станции пассажиров встречали суетливые, приветливые бабушки, у которых за три рубля можно было купить вареной картошки с укропом и несколько соленых огурцов. Наконец объявили Симферополь и пассажиры, груженные собственным багажом, высыпались на перрон. Можно было дышать уже не впрок, а спокойно и не спеша. Поезд дальше не пойдет. Это конечная станция.

– Все, сука, заработала свои три рубля!

Холодные звонкие монеты посыпались на лицо девушки и окончательно пробудили ее от детских воспоминаний. Нерусский голос спокойно продолжал:

– Когда мою Наргизу обидели дома у нас славянской внешности люди, нам больно было очень, как и тебе теперь.

Невысокие мужчины по двое расходились в разные стороны от песочницы. Девушка нашла в себе силы и присела на корточки и наконец выпустила в песок теплую жидкость, которая переполняла ее мочевого пузыря. Ватные ноги приподняли раздавленное девичье тело. Наталья увидела свои трусы, которые белым флагом свисали с крыши детского домика. Она сняла их непослушными руками и, опершись на оконную раму домика, долго пыталась просушить ими свою промежность от чужой липкой жидкости.

Перекресток с погасшими светофорами прервал воспоминания. Наперерез перлась серая «Калина» с наглухо тонированными почти до непросветной мглы стеклами, которые приглушали кричащую в салоне попсу. Рука, словно затвор, передернула рычаг с пятой передачи на третью, и педаль газа ушла в пол. Турбинка легко выдернула машину девушки с перекрестка под визг чужих тормозов и едкий запах собственного сцепления. Через пять минут Наталья уж открывала ключом дверь своей квартиры.

– Вот быдло, совсем думать разучились, все делают по сигналу светофора или по свистку.

Девочка той-терьер изумленно тявкнула на хозяйку. Она ждала ее целый день и терпела ради их девичьей дружбы. Но Наталья даже не остановила на ней полные слез глаза, а сразу прошла, не раздеваясь, в комнату и рухнула на кровать, насмерть обняв подушку. Она рыдала громко и не сдерживая себя, и раскаты грома подхватили ее рыдания и в конце концов заглушили их. Ураган пришел в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.